

За последние три десятилетия картвельское языкознание достигло впечатляющих успехов. В этот очень короткий для истории науки период на современной методической базе были по-новому освещены многие важные стороны структуры и истории картвельских языков и намечены некоторые новые направления исследования. Между тем еще совсем недавно в работах даже некоторых известных кавказоведов проблемы картвельистики (как впрочем, и вопросы теоретического характера) трактовались весьма субъективно, что приводило к нередким недоумениям. Последние имели место в тех случаях, когда лингвисты осознанно или неосознанно пренебрегали фактами, противоречащими их интуиции, а также когда строившиеся ими архетипы признавались реальными фактами. В подобной ситуации целый ряд ключевых проблем картвельистики, равно как и кавказского языкознания в целом, решался не столько исходя из конкретного языкового материала, сколько с ориентацией на предвосхищенную исследователем концепцию, которую и должна была оправдывать эмпирия. Естественно, что при таком подходе сам материал сплошь и рядом вступал в конфликт с концепцией.

Положение стало меняться в 50-е годы, которые были отмечены появлением в сравнительной грамматике картвельских языков нового поколения картвельистов, решительно отказавшихся от теории и практики авторов, по существу порвавших с принципами лингвистической компаративистики. К этому поколению принадлежит круг исследователей, возобновивших и продолживших направление работ, которое плодотворно развивалось в трудах таких выдающихся ученых, как А. Г. Шанидзе, Г. С. Ахведиади, В. Т. Топурия.

Одним из наиболее ярких представителей этого поколения и является автор рецензируемой монографии, перу которого принадлежит и другие ценные публикации по актуальным проблемам картвельского языкознания. Среди них особое упоминания заслуживает изданная А. Т. Ониани в 1978 г. книга, посвященная сравнительно-историческому исследованию категорий лица, числа и инклюзива ~ эксклюзива картвельского глагола [1]. Как известно, этот труд внес значительный вклад в диахроническое изучение последнего. Не менее существенно для его оценки и то, что его автор зарекомендовал себя в нем как исследователь, глубоко владеющий как фактическим материалом, так и методи-

ческим аппаратом современной компаративистики. Наконец, необходимо подчеркнуть и неизменно принципиальные позиции А. Т. Ониани, которому не свойственны компромиссы в науке.

К основной тематике научных интересов ученого принадлежит и его работа 1989 г. В ее вводном разделе автор излагает методическую платформу своего исследования, особо останавливаясь на соотношении синхронного и диахронического изучения грамматического строя и отклоняя при этом некоторые по сей день встречающиеся в картвельистике ошибочные взгляды (в частности, по вопросам идентификации морфем). Наиболее обширная I глава монографии посвящена истории надежных форм в картвельских языках (с. 52—218). В краткой II главе рассматривается эволюция форм категории числа (с. 219—232). Проблема грамматической категории класса трактуется автором в III главе (с. 233—263). Книгу заключает IV глава, в которой на основании анализа материала, существенно выходящего за пределы данных сравнительной морфологии картвельских языков, решается вопрос об их историческом составе (с. 264—318).

Характеризуя книгу А. Т. Ониани в целом, следует прежде всего отметить, что она отражает предельные рубежи науки в разработке сравнительной грамматики картвельских языков. Об этом, в частности, свидетельствует методическая сторона работы, примыкающей в этом отношении к наиболее строгим картвельистическим исследованиям, а также ее контакт с вопросами лингвистической теории. Книга отличается, на наш взгляд, сбалансированным сочетанием традиционных положений картвельистики, выдержавших испытание временем, и совокупности новых наблюдений самого автора. Ее существенной особенностью является широкое использование сванских фактов, позволяющих предпринимать глубокие реконструкции. Достаточно очевидно, вместе с тем, отчетливая формальная направленность исследования на реконструкцию материала. Хотя по мере необходимости автор неоднократно затрагивает и функциональную сторону рассматриваемого им морфемного инвентаря, ясно, что она не составляет здесь самостоятельного предмета исследования (и естественно высказать надежду, что автор обратится к ней в планируемых им дальнейших работах этого цикла). Предлагаемые здесь конкретные решения еще раз подтверждают адекватность тезиса, согласно которому только при условии установления закономерных соответствий

между разноуровневыми лингвистическими единицами родственных языков можно рассчитывать на разработку сколько-нибудь удовлетворительной системы сравнительной грамматики картвельских языков, сравнимой в какой-то степени с системой сравнительной грамматики индоевропейских или семитических языков: ср. [2].

Построенные по единой схеме I и II главы открываются разделами, содержащими обзор соответствующего языкового материала в плане синхронии. Здесь бросается в глаза едва ли не исчерпывающая полнота вывешенного автором алломорфического состава рассматриваемых морфем. Это достигается тем, что постоянно учитываются показания древнегрузинского материала, с одной стороны, и свидетельства конкретных диалектов картвельских языков (особенно — грузинского и сванского), с другой. В последующих диахронически ориентированных разделах обеих глав предпринимаются реконструкции общекартвельских архетипов падежных и числовых морфем. Как правило, А. И. Ониани продвигается от процедуры внутренней реконструкции в рамках отдельных картвельских языков (где это возможно) к сравнительной. С пониманием следует отнестись к осторожности, проявляемой автором в случаях, если имеющаяся в его распоряжении нестрадая совокупность фактов не содержит решающих указаний на форму архетипа. В этих случаях вопрос о праформе А. И. Ониани предпочитает оставить открытым.

В I главе для общекартвельского состояния реконструируется в целом весьма развитая падежная парадигма в составе именительного, повествовательного, дательного, родительного и обстоятельственного падежей при очень вероятном наличии и творительного (если на роль показателя повествовательного падежа здесь, по мнению автора, прежде всего претендует -*л*, то решение вопроса о признаке инструменталиса, как свидетельствует его обсуждение на с. 200—202, наталкивается на особенно серьезные трудности). В этом отношении можно заметить существенные точки соприкосновения между концепцией автора книги и решениями, предлагавшимися ранее обоими ее рецензентами [3, 4]. Они дают о себе знать, например, в структурной квалификации падежных оппозиций в столь важном для реконструкции праязыковой падежной системы древнегрузинском состоянии (в частности, в признании на с. 79—81 неправомерности разграничения здесь им. падежа и так называемого неоформленного), в безоговорочном признании собственно картвельских истоков происхождения сванского показателя повествовательного падежа -*ет*

(с. 118—146), в количественном составе падежной парадигмы, прослеживаемой в праязыковом состоянии. И вместе с тем мы находим здесь много нового: автор прослеживает различные ступени в развитии падежной системы по отдельным языкам, объясняет специфические черты эволюции алломорфического состава падежей в последних, критически рассматривает тезис о принципе двух основ в сванском склонении, подводит более прочную аргументацию под некоторые ранее выдвигавшиеся положения.

Во II главе автор склоняется к мысли, что при достаточно развитой падежной системе, которой характеризовалось общекартвельское состояние, в последнем, вероятно, имело место и противопоставление числовых форм, хотя материальное различие соответствующих грузинско-занских и сванских морфем не позволяет пока свести их к некоторому общему историческому знаменателю. Заметим, что в пользу решения автора свидетельствует и существование известной статистической (неполной) универсалии, связывающей обе грамматические категории отношением импликаций.

В III главе А. И. Ониани подводит своего рода итог имевшей место в науке длительной дискуссии о категории грамматического класса в картвельском имени. Как здесь убедительно демонстрирует автор, ни для прошлого в истории картвельских языков, ни для пракартвельского состояния эта категория не была характерна. Использовавшаяся ранее для обоснования противоположного тезиса аргументация исходила из выборочного учета фактов (в частности, при трактовке префиксального элемента *т-* в качестве исторического показателя класса человека игнорировалось множество противных случаев, где *т-* наблюдается в обозначениях вещей). Вместе с тем она характеризовалась пренебрежением к общепринятым принципам словообразовательного анализа. Если к тому же принять во внимание, что эта аргументация не учитывала принципа закономерных звукосоответствий между родственными языками, то нетрудно будет понять, что такая методика не могла не привести к произвольному историческому членению лексем (ср. встречавшийся в практике ряда авторов трехэлементный анализ картвельских субстантивов, в соответствии с которым усилия исследователя направлялись на поиск в их морфологической структуре классного префикса, корня и суффикса-детерминанта основы).

Типичный случай подобного подхода с выделением «классного префикса» демонстрируется автором на с. 255 на примере картвельских обозначений медведя (груз. *datv-*, мерг. *tunt-*, лазск. *tu-*

и- и сван. *dāšdw-*), восходящих к архетипу **daŋw-*, в котором абсолютно ничто не говорит о возможности его исторического членения (естественно, что не располагает исследователя к каким-либо выводам в этом плане и минимальная группа других субстантивов, в которых в прошлом усматривалось аналогичное членение).

В дополнение к совокупности возражений автора в адрес подобной практики рецензенты могли бы привести и целый ряд случаев, когда объектами сегментации в специальной литературе оказывались даже иносязычные заимствования уже исторической эпохи: например, в лезгск *biži-* «грудь (женская)», восходящем к греч *βῆξ*, вычленялся «окаменелый классный префикс» *b-*, а в западногруз *baŋana-* «ребенок» (< тур. *bağana* «ягненок») и груз. *nerb-* «самка овцы» (< греч *νεῖρος* «оленинок») усматривались соответственные классные экспоненты *ba-* и *ne-*.

Автор несомненно прав, приходя на с. 257–263 к выводу, что в картвельских именах нет ни одного бесспорного случая сохранения реинтерпретированного или окаменелого классного показателя и что сами упорные поиски следов категории класса диктовались здесь не объективными данными, а стремлением выявить максимум структурных параллелизм между картвельскими и севернокавказскими языками с тем, чтобы подкрепить едва ли доказуемую гипотезу их генетического единства хотя бы типологическими аналогиями.

В свете выводов, вытекающих как из предшествующих глав работы, так и из его книги 1978 г., в IV главе автор возвращается к неоднократно дискутировавшейся в специальной литературе проблеме исторического состава картвельской языковой семьи. Прочно придерживаясь принципов сравнительно-исторического языкознания, А. Л. Оняни рассматривает картвельские языки как конечные продукты процесса филиации гипотетического общекартвельского состояния, которые переживали свою длительную индивидуальную историю. Естественно, что он вступает здесь в полемику с, по-видимому, все еще встречающимся в картвельистике мнением, согласно которому не все из представителей этой языковой семьи восходят к общему для них прасостоянию. Как известно, истоки такого мнения коренятся еще в воззрениях Н. Я. Марра на сванский язык как своеобразный результат взаимодействия как картвельских, так и абхазско-адыгского генетических компонентов (ср. [5]). Если учесть, однако, что, согласно Н. Я. Марру, все языки мира в той или иной степени являются смешанными, то негрудно

увидеть, что позднейшая точка зрения на сванский язык как смешанный в отличие от остальных — собственно картвельских — представляет собой труднообъяснимый, но достаточно очевидный шаг назад. На преодоление этого мнения, по сей день вводящего в заблуждение некоторых представителей смежных наук, и направлена приводимая на с. 279–318 аргументация автора, обращающего внимание на слабость фактической базы гипотезы о древнейшем абхазско-адыгском субстрате на территории Западной Грузии, основанной главным образом на преувеличении объема абхазско-адыгского материала в сванском (и, в частности, на иллюзии о проникновении в сванский язык целой совокупности абхазско-адыгских грамматических элементов). Действительно, констатируя многолетнюю популярность этой гипотезы у определенной части картвельистов, нельзя не заметить парадоксального отсутствия сколько-нибудь значительных исследований, посвященных ее разработке, а также того обстоятельства, что сомнения в ее корректности были высказаны Г. И. Мачавариани еще в середине 60-х годов [6].

Необходимо упомянуть в этом контексте и о том, что эта гипотеза вступает в определенный конфликт с другой, столь же давней точкой зрения о значительно более широком распространении в прошлом в Западной Грузии сванской речи, подтверждаемой не только лингвистическими (в частности — яркими топонимическими) данными, но и прямыми свидетельствами античной и несколько более поздней традиции, знавшей сванов еще на берегах Фазиса, т. е. Рюна (ср. [7]). В последней связи целесообразно обратить внимание на возможность проведения некоторой содержательной аналогии между такими двумя этнонимами античных источников, как «кельтиберы» и «сваноколы»: если под первыми, как это установлено, понимались кельты, жившие в Иберии, т. е. на Пиренейском п-ове, то под вторыми следует иметь в виду не смешение сванов с колхами, как это представлялось в свое время Н. Я. Марру, а часть сванов, обитавшую в Чолхиде.

Характерным отражением очевидного преувеличения результатов контактного взаимодействия картвельских языков является высказывавшееся А. С. Чикобава мнение, согласно которому один из западногрузинских диалектов — гурийский — также имеет смешанную природу. Мнение основывалось на каких-нибудь нескольких десятках слов, которые проникли сюда из мерельского или лезгского языков, и ряде топонимов, чего оказалось достаточно для того, чтобы квалифицировать гурийский диалект как «слож

ную амальгаму из грузинского и мегрельского». Между тем такое заключение не согласуется с данными грузинской диалектологии, включающей грузинский по совокупности определенных изоглоссов в группу западногрузинских диалектов, характеризующихся в большей или меньшей степени занскими лексическими отклонениями (включая топонимию). Не трудно увидеть, что переоценка фактора заимствования привела бы к тому, что прежде всего поставила бы под сомнение генетически гомогенный характер мегрельского языка, в котором зафиксированы сотни грузинизмов и других заимствований, а может быть, и избыточное турканизмами лаского, что никогда не мешало рассматривать их в качестве равноправных членов картвельской языковой семьи.

Подобно каждому содержательному исследованию, работа А. М. Онiani побуждает ее читателей к целому ряду дальнейших размышлений по затрагиваемым в ней вопросам. Так, на с. 85–90 автор присоединяет свои доводы к ранее уже высказывавшимся сомнениям в корректности традиционной для картвельстики гипотезы происхождения признака им. падежа *i* в грузинском из местонимной основы *igi*. Совокупность других случаев появления в грузинском этого вокалического элемента (как правило, первоначально не функциональной, а фонетической природы), в частности, в составе аорисных и имперфектных глагольных словоформ типа *mokhalit* «мы убили то» < *mokhal* и *adidebdi* «мы воздали хвалу» < **adidebdi*, а также в качестве так называемого emphaticкого элемента в формах гентива в инструменталисе, ставит вопрос о возможной первоначально нефункциональной природе и *i* номинатива.

Думается, что последняя глава рецензируемой книги послужит очередным стимулом к активизации топонимических штудий в Грузии. Несмотря на известные усилия отдельных исследователей (ср. прежде всего работы А. А. Глonti), эта проблематика все еще не пользуется достаточной популярностью у картвелитов. Между тем она очевидным образом сопрягается со столь актуальными для современного картвельского и, шире, — кавказского языковедения направлениями работ, каковым являются лингвоархеологические исследования. Изучение такого фрагмента топонимии, как гидронимия, способно пролить свет и на некоторые вопросы экстралингвистической истории картвелов.

В некоторых разделах 1 главы, связанных с синхронной презентацией материала, возникает проблема выбора оптимальной модели описания. Так, на с. 109

автор усматривает в неизменяемой форме мегрельского препозитивного определения-прилагательного, — например, в составе атрибутивного комплекса *skvami cira* (Nom.) «красавая девушка», *skvami cira k* (Narg.), *skvami cira-k* (Dat.), и т. д. — нулевые алломорфы соответственно номинатива, нарратива, датива и т. д., что подводит к несколько неожиданному выводу, что в этих случаях имеет место надежное согласование определения с определяемым. С аналогичным решением встречаемся и на с. 153 при обсуждении вопроса о квалификации форм грузинских субстантивов с согласным исходом основы с послелогом *-tan* (например, формы *sacil tan* «у дома»). Проявляя последовательность, автор и в этом случае находит нулевую алломорфу дат. падежа, исходя из того, что этот послелог присоединяется именно к форме датива субстантивов с согласным исходом основы (ср. *mama-s-tan* «у отца»).

Неясно, чем обусловлена позиция автора, трактующего на с. 202 фонологическую корреспонденцию груз.-занск. *i* ~ сван. *šd* (> *št*) как результат различной рефлексии пракартвельского сочетания **sɪd*, в то время как еще в 1983 г. Н. Г. Меликишвили предложила как будто более удачное ее объяснение [8].

Завершая анализ книги А. М. Онiani, следует подчеркнуть, что она всецело отражает качественно новый этап развития картвельского языковедения. Из преимущественно синхронно представленного материала автор извлекает едва ли не максимум возможной диахронической информации и, не скрывая трудностей, встающих на пути реконструкции ряда архетипов, оставляет соответствующие вопросы в повестке дня дальнейшего исследования. Нетрудно убедиться в том, что заметный полемический компонент монографии не является самоцелью и всегда оказывается подчиненным задачам позитивного решения сформулированных в ней проблем. Необходимо вместе с тем отметить еще одно ее ценное качество — она воплощает в себе столь существенное в практике современной науки совмещение жанров строго научного исследования, с одной стороны, и вузовского пособия, с другой. Последняя сторона работы достаточно отчетливым образом обозначена не только ее продуманной композицией, но и исным, лапидарным стилем изложения материала.

В целом рецензируемая монография, на наш взгляд, вносит существенный вклад в разработку сравнительно-исторической грамматики картвельских языков. И хотя ее автор не претендует на исчерпывающую и безошибочную трактовку рассматриваемого в ней языкового материала, ее с большой пользой прочтет

каждый интересующийся картвельским языкознанием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Опиани А. Л. Вопросы исторической морфологии картвельских языков. Глагольное лицо, число, инклюзив ~ эксклюзив. Тбилиси, 1978 (на груз. яз.).
2. Гамкрелидзе Т. В. Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки (I) // ВЯ. 1971. № 2. С. 25—26.
3. Сарджвеладзе З. А. Вопросы истории грузинского литературного языка Тбилиси, 1975. С. 357—382 (на груз. яз.).
4. Климов Г. А. Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте. М., 1962.
5. Марр Н. Я. Из поездок в Сванию // Христианский Восток. Т. II. Вып. 1. 1914. С. 16.
6. Мачавариани Г. И. К вопросу о субстрате в западнокартвельском (занско-сванском) лингвистическом ареале // ИКЯ. 1966. XV.
7. Меликишвили Г. А. К вопросу о древнейшем населении Грузии. Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1965. С. 63—68 (на груз. яз.).
8. Меликишвили Г. А. К объяснению двух изолированных звукосоответствий в сванском (груз. *t*: сван. *šd* и груз. *a*: сван. *e*) // Вопросы современного общего языкознания. VI. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).

Климов Г. А. Сарджвеладзе З. А.

Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / Erarbeitet von einem Autorenkollektiv des Zentralinstituts für Sprachwissenschaft unter der Leitung von Pfeifer W. Berlin. Akademie Verlag, 1989. I: A — G. S. XXXIV + 662; II: H — P. S. 623—1345; III: Q — Z. S. 1346—2093.

Серия немецких этимологических словарей пополнилась еще одним важным лексикографическим трудом. Немецкая Академия наук (бывшая ГДР) выпустила фундаментальный трехтомный этимологический словарь немецкого языка. Словарь составлен коллективом авторов — сотрудников Центрального Института языкознания в Берлине под общим руководством В. Пфайфера. Среди авторов словаря — В. Браун, Г. Гншель, Г. Хаген, А. Хубер, К. Мюллер, Г. Петерман, Г. Пфайфер, Д. Шрётер, У. Шрётер. Он предназначен, как сказано в предисловии, для широкого круга читателей и имеет сугубо практические цели. Авторы стремились к максимально полному охвату немецкой лексики. При этимологизации немецких слов они исходили не только из известных звуковых законов, но и из признанных (или постулируемых) в специальной литературе семантических универсалий (универсальных мотиваций), на основании которых и делается реконструкция и сопоставление с соответствующими индоевропейскими корнями. Словарь включает 8054 самостоятельных и.е. корней, встречаемых в современном немецком литературном языке, а вместе с суффиксальными и префиксальными образованиями — 21 600 словарных единиц (для сравнения укажем, что в известном Этимологическом словаре немецкого языка Ф. Клюге [1] содержится 8500 единиц,

в этимологическом словаре Дудена [2] — 7500, а в этимологическом словаре немецкого языка Вассершера и Бетца [3] — 9000). Диалектные и областные слова в рецензируемом словаре специально не рассматриваются, но большое внимание уделяется заимствованиям. Дериваты, словосложения (композицы), префиксальные и суффиксальные образования только в том случае даются в виде самостоятельной словарной статьи, если они в результате своего исторического развития, усложнений заимствования, специфики словообразования, особенностей звуковой, семантической или терминологической эволюции оформились в качестве самостоятельных слов. В пределах отдельных словарных статей, содержащихся в рецензируемом словаре, приводятся наиболее ранние формы рассматриваемого слова в немецком с указанием ее источника и даты ее первой фиксации в древнеренесансном, средневерхненемецком или в нововенесансном (для средневерхненемецкого указание такой хронологии во многом затрудняется отсутствием всеобъемлющих лексикографических пособий (за исключением словаря Лексера, на основе которого в рецензируемом словаре и строятся все данные по средневерхненемецкому языку)). В словарной статье обычно учитываются основные родственные слова в различных германских языках, хотя сравнения в рамках германского и не отличаются полнотой (не да